

В ожидании попутного ветра

Семейный театр духовной драмы «Пилигрим»

Я не очень люблю ходить в театр. Может быть, потому, что установил на «яркое бродвейское зрелище» с «живыми звездами», которое утвердилось на наших подмостках в последние годы, кажется мне сомнительным — «звезды» на сцене играют обычно хуже, чем на экране, да и сегодняшнее кино является зрелищем самого зрелищного театра благодаря компьютерным спецэффектам и объемному звуку. Так что я шел на спектакль летучего театра «Пилигрим» с некоторым предубеждением. Я мало что слышал о нем. Знал только, что театр существует около пяти лет, что у него нет постоянной сцены и что спектакль, который я увижу, явно не будет претендовать на «яркое зрелище», более того, может даже показаться скучным. Последнее подозрение было для меня особенно выигранным — скуку я люблю, являюсь ее горячим сторонником, считая ее чуть ли не единственным уголком в сегодняшней суматошной жизни, в котором можно передохнуть и собраться с мыслями.

В этом плане увиденный мною моноспектакль «Жатва духа» по поэме В. Кузьминой-Караваевой «Духов день» удивил. Он не был скучным и оставил больше вопросов, чем ответов, как и другие спектакли театра, которые я, заинтересовавшись, посмотрел.

Первый вопрос, который возник в голове, — есть ли у подобного камерности шансы выжить в контексте все той же «зрелищности со звездами»?.. Дело в том, что «Пилигрим» — театр семейный и держится физически на двух людях — супруге Надежде и Владимире Мезенцевых. Они играют главные роли, а Надежда сама пишет пьесы. В «Жатве духа» она одна на сцене «держит зю» в течение часа с лишним. Не имея специального театрального образования и практического опыта, очень легко екататься в графоманию и любительщину. Каким-то чудом Мезенцевым удается этого избежать.

Вопрос второй был более серьезным. Впервые в своей жизни я столкнулся с театром теологическим. В «Жатве духа», в пьесах «Мой дорогой Гог» и «Камеры забытых вещей» сюжет посвя-

Сцена из спектакля «Мой дорогой Гог».

щен глубоким духовным проблемам, причем духовным именно о религиозной точке зрения. Я, как жакса, встретился с модернизированным православием, которое снова опрокинуло мою память в Серебряный век... Православная церковь и светский театр, совместимы ли они?

Сюжет «Камеры забытых вещей» довольно любопытен. У одного модного литератора пропала рукопись книги, существовавшая в единственном экземпляре. Но он знает, что в некоей Камере, специализирующейся на поиске пропавших рукописей может найтись. Попав туда, литератор выясняет, что мир исчезнувших вещей чрезвычайно разнообразен. В Камере есть и забытая кем-то совесть, и пропавшая жизнь, и невыполненные обещания, коро-

че говоря, предметы с человеческой точки зрения, невещественные, но каким-то непостижимым образом оказывающиеся в Камере в качестве трансматериальных объектов. Я искренне сочувствовал Владимиру Мезенцеву, игравшему роль Смотрителя. Сочувствовал почему, что прыбные двожащиеся роли (кто он, Смотритель Камеры, — человек или ангел?) играть чрезвычайно трудно. Но Владимир достойно справился с задачей, пойдя по единственному правильному пути и максимально обогатив образ. Его Смотритель носит зановенную душегрейку, хрюхит и шмякает губами, напоминая школьного завуча советской эпохи. Естественно, что в такой Камере находится и забытая рукопись. Есть только одна загвоздка — в ее оценке. Ав-

тор, конечно же, считает, что рукопись бесценна. Смотритель же дает понять, что ценя ее в реальности стремится к мнимой выдичине, так как произведение Литератора замаскировано на гордыне, себеплюбии и отчаянии... Кончается эта история тем, что Литератор добровольно отказывается от своей рукописи, понимая ее истинную цену.

После каждого спектакля в «Пилигриме» происходит импровизированное обсуждение увиденного. Оно пока заменяет режиссерский отзыв в прессе. Из общения с ними становится ясно, что свою деятельность они рассматривают скорее как религиозную проповедь, облаченную в театральную форму, нежели как искусство в светском понимании этого слова...

Я возвращался со спектакля и думаю, хватит ли этим людям простоты и скромности, так как поприще, ими избранное, как бы изначально предполагает котурны и заглавную букву в слове «дух». Но в любом случае здесь мы сталкиваемся с целым культурно-социальным явлением. Уже много лет в стране существует православная рок-музыка, каждый год проходит религиозный кинофестиваль, вот и в лице Мезенцевых появился православный театр... Эти феномены пролетают пока «мимо» критики. Попутного ветра нет, судянноко возьмет при полном штиле, но если движение будет шириться, то от оценки его не отвертеться. И все это в рамках конфессии, которая, в отличие от католицизма, относится исторически к попыткам примирить религиозную духовность и светское творчество...

Одно лишь кажется бесспорным. Семейные театры существовали в России до революции, и нынешний «Пилигрим» свидетельствует, наверное, еще и о том, что жизнь в стране, как ни крути, нормализуется, позволяя талантливым инициативным людям заводить не только свой продуктовые павильны, но и собственную театральную сцену.

Юрий АРАБОВ

Статьи исидт в ДК на Петровке по адресу: Петровские аины, д. 1. Начало в 19.30. В октябре по средам, в октябре по вторникам